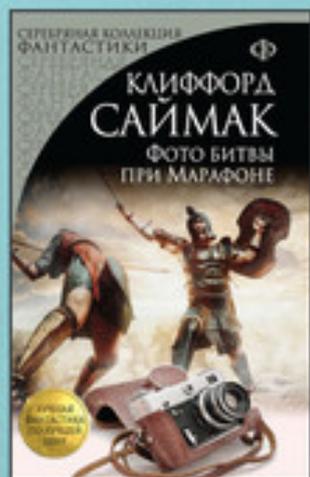

Клиффорд Саймак

Поющий колодец

*Часть сборника
Фото битвы при Марафоне
(сборник)*

Клиффорд Саймак
Поющий колодец

«ЭКСМО»

1980

Саймак К. Д.

Поющий колодец / К. Д. Саймак — «Эксмо», 1980

Перед вами авторский сборник рассказов от Клиффорда Саймака – мастера жанра «гуманитарной» НФ! На сей раз речь пойдет о странных и таинственных событиях, загадках истории, инопланетных гостях и путешествиях во времени...

© Саймак К. Д., 1980

© Эксмо, 1980

Клиффорд Саймак

Поющий колодец

Clifford D. Simak
The Whistling Well

© 1986 by Clifford D. Simak

© Корженевский А., Филонов А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

* * *

Открытый всем ветрам, начисто выметенный и вылизанный их дыханием гребень возносился к самому небу – словно и камни, и даже земля потянулись, приподнялись на цыпочки в тщетной попытке прикоснуться к недостижимому голубому своду. Отсюда открывались дальние горизонты, и даже ястребы, неустанно кружившие в поисках добычи над речной долиной, парили где-то внизу.

Но суть заключалась не в одной лишь высоте: над этой землей незримо витал дух древности, напоив воздух ароматом времени и ощущением родства с шагающим здесь человеком, будто этот грандиозный гребень обладал собственной личностью и мог поделиться ею с пришельцем. И ощущение этой личности пришлось человеку как раз впору, оно окутывало душу словно теплый плащ.

Но в то же самое время в глубине памяти идущего продолжало звучать поскрипывание кресла-качалки, в котором горбилась маленькая сморщенная старушка. Несмотря на возраст, энергия не покидала ее, хотя годы иссушили и согнули некогда стройный стан, превратив его обладательницу в крохотное изможденное существо, почти слившееся со своим креслом. Ноги старой дамы покачивались в воздухе, не доставая до пола, как у забравшегося в прадедушкину качалку ребенка, и тем не менее она ухитрялась качаться, не останавливаясь ни на секунду. «Черт побери, – удивлялся Томас Паркер, – как ей это удается?»

Гребень кончился; пошли известняковые скалы. Отвесным обрывом вздымаясь над рекой, они сворачивали к востоку, огибали крепостным валом речную долину и ограждали гребень от ее глубин.

Обернувшись, Томас поглядел вдоль гребня и примерно в миле позади увидел ажурные контуры ветряка, обратившего свои огромные крылья на восток – вслед человеку. Заходящее солнце превратило крутящиеся лопасти в серебряный вихрь.

Ветряк обязательно побрякивает и громыкает, но сюда его тараторка не доносилась из-за сильного западного ветра, заглушающего своим посвистом все остальные звуки. Ветер неустанно подталкивал человека в спину, трепал полы его незастегнутого пиджака и обшлага брюк.

И хотя слух Томаса был заполнен говором ветра, на дне его памяти по-прежнему поскрипывало кресло, раскачивающееся в комнате старого дома, где изящество прошлых времен неустанно ведет войну с бесцеремонным вторжением настоящего, где стоит камин из розового кирпича с выбеленными швами кладки, а на каминной полке – старинные статуэтки, пожелтевшие фотографии в деревянных рамках и приземистые вычурные часы, отбивающие каждую четверть; вдоль стен выстроилась кряжистая дубовая мебель, на полу – истоптанный ковер. Эркеры с широкими подоконниками задрапированы тяжелыми шторами, материал которых за многие годы выгорел до неузнаваемости. По стенам развешаны

картины в массивных позолоченных рамах, а в комнате царит глубокий сумрак, и невозможно даже угадать, что же там изображено.

Работница на все руки – компаньонка, служанка, ключница, сиделка и кухарка – внесла поднос с чаем и двумя блюдами; на одном высилась горка бутербродов с маслом, на другом разложены небольшие пирожки. Поставив поднос на столик перед качалкой, служанка удалилась обратно в сумрак таинственных глубин древнего дома.

– Томас, – надтреснутым голосом сказала старая дама, – будь любезен, налей. Мне два кусочка, сливок не надо.

Он неуклюже встал с набитого конским волосом стула и впервые в жизни принялся неловко разливать чай. Ему казалось, что следует проделать это грациозно, с изяществом и таким шармом галантности, – но чего нет, того нет. Он пришел из иного мира и не имеет ничего общего ни с этим домом, ни со старой дамой.

Его сюда вызвали, и притом весьма категорично, коротенькой запиской на похрустывающем листке, от которого исходил слабый аромат лаванды. Почерк оказался куда более уверенным, чем можно было предполагать, – каждая буква полна изящества и достоинства, привитых старой школой каллиграфии.

«Жду тебя, – значилось в записке, – 17-го после полудня. Необходимо кое-что обсудить».

В ответ на этот долетевший с расстояния в семьсот миль призыв прошлого Томас погнал свой громыхающий, потрепанный и облупившийся фургончик через полыхающие осенним пожаром красок холмы Старой Англии.

Ветер цеплялся за одежду и подталкивал в спину, крылья ветряка крутились вихрем, а внизу, над рекой, виднелся маленький темный силуэт парящего ястреба. «И снова осень, – подумалось Томасу, – как и тогда. И снова уменьшенные перспективой деревья в речной долине. Только это иная река и другие деревья».

На самом гребне не выросло ни единого деревца – если, конечно, не считать небольших садиков вокруг прежних усадеб. Самих усадеб уже нет: дома или сгорели, или рухнули под напором ветра и прошедших лет. Наверно, давным-давно здесь шумел лес, но если он и был, то больше века назад пал под ударами топора, чтобы уступить место пашне. Поля сохранились, однако уже десятки лет не знают плуга.

Стоя у края гребня, Томас глядел назад, на пройденный за день путь. Он прошагал многие мили, чтобы исследовать гребень, хотя и не понимал зачем; все это время его будто гнала какая-то нужда, до нынешнего момента даже не осознаваемая.

Его предки жили на этой земле, измеряли шагами каждый ее фут, находили здесь стол и кров, завещали ее своим потомкам и знали так, как не дано познать за несколько коротких дней. Знали – и все-таки покинули, гонимые некоей неведомой напастью. Вот это как раз и странно. Что-то здесь явно не так. Сведения на сей счет, достигшие ушей Томаса, чрезмерного доверия не внушали. Да нечего тут опасаться, наоборот, этот край располагает к себе. Он привлекает и близостью к небесам, чистотой и свежестью ветра, и ощущением родства с землей, с камнями, с воздухом, с грозой... Да, пожалуй, с самим небом.

Здесь остались следы его предков – последних ходивших по этой земле до него. Многие миллионы лет по гребню бродили неведомые, а то и невообразимые твари. Этот край не менялся чуть ли не со времен сотворения мира; он стоял как часовой – оплот постоянства среди вечно меняющейся земли. Его не вздыбили перипетии горообразования, не утюжили ледники, не заливали моря – многие миллионы лет стоял он сам по себе, не меняясь ни на йоту, и лишь неизбежное выветривание едва уловимо коснулось его облика мягкой кистью.

Томас сидел в появившейся из прошлого комнате, а напротив покачивалась в скрипучем кресле старая дама. Даже прихлебывая чай и деликатно покусывая миниатюрный бутерброд с маслом, она не останавливала своего покачивания ни на миг.

– Томас, – старческим надтреснутым голосом сказала старушка, – для тебя есть работа. Ты обязан ее сделать, только тебе это по плечу. Результат чрезвычайно важен для меня.

Подумать только, чрезвычайно важен – и не для кого-нибудь, а именно для нее! И при этом совершенно все равно, будет ли этот результат важен или не важен хотя бы для еще одного человека. Ей важно, а на остальное плевать.

Решительный настрой старой дамы в качалке оказался настолько забавным, что затмил старомодную неуместность этой комнаты, этого дома и этой женщины.

– Да, тетушка? Какая работа? Если я с ней справлюсь...

– Справишься, – отрубил она. – Нечего разыгрывать умника. Она вполне по силам тебе. Я хочу, чтобы ты написал историю нашей семьи, точнее, нашей ветви генеалогического древа Паркеров. Паркеров в мире много, но меня интересуют лишь прямые предки. На побочные линии внимания не обращай.

– Н-но, тетушка, – запинаясь от удивления, возразил Томас, – на это могут уйти годы.

– Твои занятия будут оплачены. Раз уж ты пишешь книги на другие темы – почему бы не написать историю семьи? Только-только вышла в свет книга по палеонтологии, над которой ты корпел не меньше трех лет. А до того были труды по археологии – о доисторических египтянах, о караванных путях древнего мира. Ты писал даже о древнем фольклоре и суевериях, и, если хочешь знать, более глупой книжонки я в жизни не читывала. Ты с оттенком пренебрежения называешь свои труды научно-популярными, но тратишь на них уйму времени и сил, беседуешь со множеством людей, роешься в пыльных архивах. Мог бы постараться и ради меня.

– Но такую книгу никто не издаст, это никому не интересно.

– Мне интересно, – резко проскрипела она. – К тому же речь об издании и не идет. Мне просто хочется знать, Томас, откуда мы вышли, что мы за люди, – словом, кто мы такие. Твою работу я оплачу, я настаиваю на этом условии. Я тебе заплачу... – И она назвала сумму, от которой Томас едва не охнул. Такие деньги ему и не снились. – И плюс накладные расходы. Ты обязан тщательно записывать все свои затраты.

– Но, тетушка, это можно сделать куда дешевле, – вкрадчиво возразил он. Ясное дело, старушка выжила из ума и перечить не стоит. – Например, нанять специалистов по генеалогии. Выяснение семейных историй – их хлеб.

– Я нанимала, – фыркнула дама, – и предоставлю результаты в твоё распоряжение. Это облегчит задачу.

– Но раз ты уже...

– Их изыскания внушают мне подозрения. Там не все чисто, то есть мне так кажется. Они очень стараются угодить, отработывая свой гонорар, и польстить заказчику. Стремятся подсластить пилюлю, Томас. Взять хотя бы поместье в Шропшире, о котором они толкуют, – что-то я сомневаюсь в его существовании, очень уж это слащавое начало. Я хочу знать, имелось ли таковое на самом деле. Далее. В Лондоне жил купец – говорят, торговал скобяными изделиями. Мне этого мало, хочу знать о нем больше. Даже сведения, собранные здесь, в Новой Англии, кажутся не очень ясными. И еще одно, Томас: не упомянут ни один конокрад, ни один висельник. Если таковые имелись, я хочу знать о них.

– Но зачем, тетушка? К чему столько хлопот? Если эта книга и будет написана, ее никогда не издадут. О ней будем знать лишь ты да я. Я отдам тебе рукопись, и этим все закончится.

– Томас, – сказала она, – я старая слабоумная маразматичка, и в запасе у меня лишь несколько лет слабоумия и маразма. Не заставляй меня прибегать к мольбам.

– Меня не надо умолять. Мои руки, моя голова и моя пишущая машинка работают на того, кто платит. Просто мне непонятно, к чему это.

– Тебе незачем понимать. Я своевольничала всю жизнь – уж позволь мне и напоследок чудить по-своему.

И наконец дело доведено до конца. Долгая чередка Паркерова привела Томаса на этот высокий, продуваемый всеми ветрами хребет с гроыхающим ветряком и рошицами вокруг заброшенных усадеб, с давным-давно не паханными полями и чистым родничком, рядом с которым так уютно приткнулся фургончик.

Остановившись у скал, Томас поглядел вниз, на каменную осыпь склона, кое-где пережевавшуюся небольшими рошицами белостовольных берез. Некоторые валуны на осыпи были размером с добрый амбар.

Странное дело, если не считать садов на месте жилья, никакие деревья, кроме берез, здесь не растут; да и осыпь – единственная на весь гребень. Если бы ледники заходили сюда, появление валунов можно было бы списать на их счет, но дело в том, что в ледниковый период прошедшие весь Средний Запад грозные ледовые поля остановили свое продвижение севернее здешних мест. По каким-то неведомым доселе причинам льды щадили этот край, на много миль окрест сделавшийся оазисом покоя; они огибали его с двух сторон и снова смыкались на юге.

«Должно быть, – решил Томас, – раньше там был выход скальной породы, ныне превращенной выветриванием в каменную осыпь».

И он стал спускаться по склону к поросшей березами осыпи – просто так, без всякой цели.

Вблизи валуны выглядели ничуть не менее внушительно, чем с вершины. Среди нескольких крупных камней было разбросано множество мелких осколков, видно отколовшихся под действием морозов и вешних вод, не без помощи жарких лучей солнца.

«Грандиозная площадка для игр, – улынулся Томас, пробираясь среди валунов, перескакивая через трещины и осторожно преодолевая промежутки между ними. – Детская фантазия сразу же нарисует здесь замки, крепости, горы...»

Веками среди камней накапливались принесенная ветром пыль и опавшая листва, образуя почву, в которой пустили корни многочисленные растения, в том числе и стоявшие в цвету астры и золотарник.

Посреди осыпи виднелось подобие пещеры: два больших валуна смыкались своими верхушками в восьми футах от земли, образуя нечто вроде наклонных сводов тоннеля футов двенадцати длиной и шести шириной. Посреди тоннеля высилась груда камешков. Должно быть, какой-то малыш много лет назад собрал и спрятал их здесь как воображаемое сокровище.

Подойдя туда, Томас наклонился и зачерпнул горсть камешков, но, коснувшись их, понял, что камни-то не простые. На ощупь они казались скользкими, будто отполированными, и чуточку маслянистыми.

С год или чуть более назад в каком-то музее на Западе – кажется, в Колорадо, а может, и нет – ему впервые довелось увидеть и подержать в руках такие камешки.

– Гастролиты, – пояснил бородатый хранитель, – зобные камни. Мы полагаем, что они содержались в желудках травоядных динозавров, но не исключено, что и всех динозавров вообще. Точно не известно.

– Вроде тех, что находят в зобу у кур?

– Вот именно. Куры склевывают мелкие камешки, песок и кусочки ракушек, чтобы те помогли им в пищеварении, – ведь куры глотают корм, не разжевывая. Камушки в зобу берут на себя роль зубов. Есть вероятность, надо сказать – весьма высокая, что динозавры поступали подобным же образом, проглатывая камни. Эти камни они носили в себе, тем самым шлифуя их, всю жизнь и после смерти...

– Но откуда жир? Маслянистое ощущение?

– Неизвестно. – Хранитель покачал головой. – Может, это жир динозавров, впитанный камнями за годы пребывания в желудке?

– А никто не пытался его снять, чтобы выяснить, так ли это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.